

РУССКІЕ ВЪ БЕРЛИНѢ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ

БАХРУШИНЪ

Я радъ—представился мнѣ случай—
Воспѣть тебя, нашъ другъ солдатъ;
Люблю тебя, твой духъ могучій—
Средь бомбъ и ядеръ и гранатъ!

СОЧИНЕНІЕ

П. Я. БУГАЙСКАГО

С.-Петербургъ.

Типографія В. С. Балашева, Екатеринин. кан., д. 78.

1887.

FOR. SERVICE. BUREAU. 1-10
R. 4 1000
294525
193 2.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящемъ очеркѣ, въ простомъ разсказѣ, я желалъ изобразить геройскіе подвиги нашихъ войскъ, совершенные ими въ 1756—60 г., во время—такъ называемой семилѣтней войны—когда Фридрихъ Великій, король прусскій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ въ исторіи полководцевъ своего времени, намѣревался отнять у австрійской королевы Маріи Терезіи нѣкоторыя земли, составлявшія австрійское наслѣдство. Царствовавшая въ то время Императрица наша Елизавета Петровна подала помощь императрицѣ Маріи-Терезіи и, не смотря на то, что австрійцы постоянно уклонялись отъ участія въ сраженіяхъ, предоставляя всю опасность на долю русскихъ, наши войска разбили Фридриха при дер. Гросъ-Эгерсдорфѣ и Кунерсдорфѣ, довели его до самаго опаснаго положенія—такъ что онъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ—и взяли столицу Пруссіи, Берлинъ. Насколько удачно воспроизвелъ я этотъ историческій эпизодъ, предоставляю судить моимъ браннымъ товарищамъ-сверстникамъ и нынѣшнимъ молодымъ

собратамъ по оружію, которымъ и посвящаю настоящій разсказъ. Но если я этими славными воспоминаніями и преданіями успѣю еще болѣе расшевелить тотъ воинственный духъ и ту беззавѣтную любовь и преданность Царю и Отечеству, которыя всегда составляли доблестныя качества нашей арміи, то буду считать намѣченную мною цѣль достигнутой. Мы были два раза въ Берлинѣ: въ 1760 году—какъ побѣдители и въ 1813 году какъ освободители отъ другого—болѣе геніальнаго, чѣмъ Фридрихъ—завоевателя Наполеона I и въ обоихъ случаяхъ выказали себя героями въ этихъ боевыхъ столкновеніяхъ.

П. Бугайскій.

Русскіе въ Берлинѣ.

Я радъ—представился мнѣ случай—
Воспѣть тебя, нашъ другъ солдатъ;
Люблю тебя, твой духъ могучій—
Средь бомбъ и ядеръ и гранатъ!

I.

Надъ дальнимъ западомъ нависли
Грозы кровавой облака;
Пришли къ намъ вѣсти, изъ-за Вислы—
Война съ Пруссакими близка.

Беликій Фридрихъ—вождь пруссаковъ—
Пошелъ въ Силезію войной;
Побить желалъ онъ австріаковъ,
Чтобъ завладѣть-бы той страной.

И вотъ, австрійцевъ королева
Привѣтъ царицѣ нашей шлетъ;
Себѣ на помощь—справа, слѣва—
Она союзниковъ зоветъ.

Россія съ Польшею рѣшила
Помочь австрійцамъ,—и въ союзъ—
Сосѣда шведа пригласила,
Не позабыть былъ и французъ.

Дѣла всѣ сладились, склеились—
 Союзниковъ собралась рать;
 Тогда мы, русскіе рѣшились,
 Съ героемъ прусскимъ воевать.

II.

Алѣлъ востокъ и лучъ восхода
 Надъ русской арміей блестѣлъ;
 Былъ поданъ выстрѣлъ—знакъ похода—
 Солдатъ нашъ бодро въ даль глядѣлъ.

И, въ силу царскихъ повелѣній,
 Мы въ даль безропотно спѣшимъ,
 Не для пировъ и наслажденій,
 Но на борьбу—съ врагомъ чужимъ.

Въ походъ давно ужъ снарядились,
 Всѣ наши храбрыя войска;
 Усердно Богу помолились—
 Въ душѣ невольная тоска:

Что будетъ тамъ, за той окрайной?...
 Не всѣ вернемся мы домой!
 Покрыто будущее тайной—
 Прости, прости-же край родной!

Но прочь и скорби и печали!
 Еще сказали всѣмъ прости;
 Родныхъ, друзей поцѣловали...
 И вотъ, войска ужъ на пути.

Солдатъ похода не боится,
 Походу даже очень радъ:

Его путь славой озарится,
Всѣ чувства въ немъ заговорають...

Понять солдата невозможно,
Не побывавъ въ походѣ съ нимъ;
А жизнь солдатская, тревожна—
Полна лишеніемъ однимъ.

Великъ солдатъ въ часы похода:
И не доѣстъ, и не допьетъ;
Снѣгъ, вѣтеръ, слякоть непогода,
А онъ — идетъ себѣ впередъ.

Идетъ онъ въ даль не разсуждая,
И дни и ночи на пролетъ...
Въ немъ есть одна черта святая —
Страстямъ онъ воли не даетъ!

Попьетъ, поѣстъ, а то — безъ хлѣба...
Онъ сытъ кускомъ лишь сухаря;
И перекрестится на небо,
Молитву жаркую творя.

Я не могу, безъ наслажденья,
Солдата видѣть бравый видъ;
Душой — герой онъ, отъ рожденья,
Имъ вся Россія дорожить!

Спокойно, гордо, безъ тревоги,
Съ ружьемъ и ранцемъ онъ идетъ:
Ступаютъ бодро, мѣрно ноги,
Онъ, въ ранцѣ весь свой скарбъ несетъ.

И ногъ своихъ ему не жалко,
Не дорожить онъ и собой;

Когда наступитъ время свалки —
И деть героемъ въ жаркій бой.

Ему ужъ грезятся побѣды,
Не то — въ веселый, мирный часъ —
Съ дородной нѣмочкой обѣды,
И куфель пива, на запасъ.

Онъ и колбасъ не прочь отвѣдать,
Съ Амальхенъ дружбу завести...
Шарлотту толстую провѣдать,
И все въ респектъ свой привести...

III.

Вотъ мы вступили на дорогу,
Начальство ѣдетъ впереди;
Пошли спокойно ровно, въ ногу,
У всѣхъ огонь въ глазахъ, въ груди.

Идите смѣло-же, собраты,
Россіи вѣрные сыны!
Вы чувствомъ доблести богаты,
Вы ей на славу рождены!

Идите съ нѣмцемъ повидаться,
Узнать — здоровъ ли нашъ камрадъ?
Штыкомъ въ любви съ нимъ объясняться,
А пушки — дружбу подкрѣплять!

Съ врагомъ сражаться всѣ мы рады,
Идемъ къ нимъ твердою стопой;
Не надо намъ иной награды,
Какъ слава родины святой.

Порой взгрустнемъ, подь-часъ потушимъ,
 Какъ вспомнимъ свой очагъ родной;
 Но тѣмъ утѣшимся, что служимъ —
 Царицѣ нашей дорогой!

Я радъ — представился мнѣ случай —
 Вамъ пѣсню дѣдовъ передать,
 Что нашъ пѣваль отрядъ летучій,
 Какъ шелъ съ пруссакомъ воевать:

IV.

«За Нѣманъ спѣшно мы идемъ,
 Съ камрадомъ-нѣмцемъ повстрѣчаться:
 Поля, деревни ихъ пройдемъ,
 И съ нимъ усердно будемъ драться.

Фельдмаршалъ-графъ нашъ молодець,
 Онъ намъ въ примѣръ — идетъ съ отвагой,
 Къ тебѣ сосѣдъ, камрадъ-гордецъ —
 Спѣшитъ на бой съ своею шпагой.

Извѣстенъ намъ его завѣтъ:
 Стремимся всѣ охотно къ бою;
 Колоть, рубить — вотъ нашъ привѣтъ —
 Какъ должно всякому герою.

Нашъ богатырскій духъ при насъ,
 Тебѣ покажемъ свои силы.
 Вѣдь смерть бываетъ только разъ,
 Не страшенъ намъ и мракъ могилы!

Извѣстенъ всѣмъ нашъ русскій штыкъ,
 Къ тебѣ идетъ за новой славой.

Солдатъ російскій-же привыкъ —
Идти героемъ въ бой кровавый.

Идите дружно, какъ одинъ,
Съ врагомъ ищите смѣло встрѣчи!
И скоро, можетъ быть, Берлинъ—
Услышитъ звуки русской рѣчи...»

V.

Апраксинъ графъ, фельдмаршалъ «мирный»
Сраженій долго не давалъ;
Онъ штабъ завелъ себѣ обширный,
И терпѣливо выжидалъ:

Того удобнаго мгновенья,
Чтобъ королевскіе полки,
Подавъ сигналъ для наступленья—
Принять на русскіе штыки.

Мы за Двину перевалили,
Солдатъ нашъ этому былъ радъ —
Вдругъ части всѣ оповѣстили,
Что назначается парадъ.

Все ободрилось, подтянулось,
Пустили въ дѣло мѣль и воскъ;
Въ войскахъ энергія проснулась,
Вездѣ порядокъ былъ и лоскъ.

У двухъ раскинутыхъ палатокъ,
Смотрѣть собралася парадъ—
Изъ Риги тѣмъ аристократокъ;
Прекрасенъ дамскій былъ нарядъ.

Игрою чудныхъ бриллиантовъ,
И блескомъ нѣжныхъ дамскихъ глазъ,
Смущень былъ рой всѣхъ адъютантовъ—
Изъ штаба графскаго у насъ.

И вотъ фельдмаршалъ—въ бой примѣрный—
Вдругъ двинулъ русскіе полки;
И, за успѣхъ побѣды вѣрной—
Всѣмъ далъ зеленые вѣнки.

Парадно, бодро шли всѣ части,
Передъ фельдмаршаломъ лихимъ;
Тутъ онъ—привѣтливо, съ участиемъ—
Сказалъ вдругъ воинамъ своимъ:

— «Я обращаюсь къ вамъ, собраты,
Россіи вѣрные сыны!
Пусть не страшать васъ супостаты,
Вы всѣ для славы рождены.

И къ вамъ любовью безконечной
Душа царицы предана;
Она привѣтъ вамъ шлетъ сердечный,
Да чару пѣннаго вина.

И по ея мы повелѣнью,
Идемъ съ пруссакомъ воевать;
Намъ нѣтъ, ребята, отступленья—
Впередъ, за мной, не отставать»!..

VI.

Пришли за Нѣманъ, по-немногу,
Свыкаться началъ нашъ солдатъ,
Съ чужой страной. Пройти дорогу—
Давно изъ насъ былъ всякій радъ.

Вступили въ прусскіе предѣлы,
 Хозяйствуемъ—какъ дома—тамъ...
 А нѣмочки—красивы, бѣлы—
 Какъ мухи къ меду, липнуть къ намъ.

Сказать по правдѣ, разгорались
 На насъ у нѣмочекъ глаза;
 У нихъ пивцомъ мы угощались,
 Имъ наша памятна краса.

Солдатики нашъ вдругъ развернется,
 Съ красивой нѣмкой ставши въ-рядъ,
 Щипнетъ ее, перемигнется
 И спроситъ вдругъ:—«здоровъ камрадъ»?

А кто изъ нашихъ посмѣлѣе,
 Такъ тотъ, бывало подъ шумокъ,
 Отца и мужа не робѣя,
 Амальхенъ прямо въ губы—«чмокъ»!

Гусары наши, кирасиры,
 Тогда творили тьму проказъ:
 Радили бабъ въ свои мундиры—
 И попадалися не разъ.

Гусаръ одинъ, лихой кутила
 Такую штуку отмочилъ:
 Къ нему Шарлотта приходила—
 У мужа онъ ее отбилъ!

И вотъ, гусаръ нашъ, свою пташку—
 Въ рейтузы, въ долманъ нарядилъ,
 И, прицѣпивъ ей саблю, ташку,
 Съ собою рядомъ усадилъ.

Цѣлуеть нѣмку нашъ счастливецъ,
Нарядъ гусарскій ей къ лицу;
Вдругъ видать:—мужъ сѣдой—ревнивецъ—
Подходить тихо ко крыльцу.

Заходить къ нимъ—и въ удивленьи—
Смотрѣль, смотрѣль жены нарядъ;
Да и прибавиль—въ заключенье—
«О! руссь зольдаты любиль камрадъ»!

Но, все прошло, какъ сновидѣнье,
Насъ не прельщаютъ ужъ собой
Красотки нѣмки. Повелѣнье
Пришло готовиться намъ въ бой.

VII.

Врагъ ближе, ближе подступаетъ,
Его ведетъ на насъ король.
Ну, а союзникъ нашъ играетъ
Совсѣмъ не доблестную роль:

Съ врагомъ идти не хочетъ въ схватку,
Бойтся даже вида ихъ...
Ни въ чемъ не терпитъ недостатку—
И оставляетъ насъ однихъ.

Не разъ встрѣчались имъ пруссаки,
И мы-бы тотчасъ ихъ—въ штыки!
Ну, а австрійцамъ не до драки:
Трусливы швабскіе полки.

Да и въ начальствѣ—толку мало —
Оно лишь слало къ намъ гонцовъ;

Да все Апраксину писало:

— «У васъ, молю, много молодцовъ —

Давать вамъ войска нѣтъ охоты;
Другъ австріакъ одно твердилъ —
Своей довольно вамъ пѣхоты,
Съ врагомъ сразиться хватить силъ.

Идите-жь, братцы, смѣло въ стычку,
На королевскіе войска;
Сражаться вамъ—вошло въ привычку,
А намъ, съ нимъ биться не рука».

VIII.

Въ даль, словно вихрь несутся силы—
Спѣшать на бой Русі войска,
Всѣ бодры духомъ, не унылы,
Ихъ не смущаетъ грусть, тоска.

Въ странѣ враждебнаго народа,
Изъ тьмы густыхъ кровавыхъ тучъ,
Подъ Эгерсдорфомъ, въ часъ восхода,
Для насъ блеснулъ побѣды лучъ!

Здѣсь Фридрихъ съ арміей своею,
Насъ въ пухъ и прахъ разбить желалъ,
Но спасовалъ предъ нами съ нею
И словно во щи куръ попалъ!

Подъ Эгерсдорфомъ непріятель,
На насъ стремительно напалъ,
Но поплатился самъ пріятель —
Ему устроили мы балъ:

Мы только тронулись въ дорогу,
А онъ, предъ нами — невзначай —
Идетъ спокойно, смѣло въ ногу,
Смѣется: — «русскій насъ встрѣчай!»

И, обозлившись, не на шутку,
Хотя съ большимъ обозомъ шли,
Мы приготовились въ минутку —
И рѣчь изъ пушекъ повели.

Зарокотали барабаны,
Блеснули русскіе штыки;
Намъ ни почему ни смерть, ни раны,
Стѣной стоятъ въ огнѣ полки.

Мы нѣмцевъ встрѣтили какъ нужно,
За залпомъ залпъ имъ племъ въ отвѣтъ...
Стоимъ, рука съ рукою дружно —
Объ отступленьи мысли нѣтъ —

Какъ должно истому герою!
Насъ дымомъ всѣхъ заволокло;
Огонь блеститъ въ дыму, порою
Булатъ сверкаетъ какъ стекло.

Фельдмаршалъ самъ въ примѣръ намъ дрался,
Дрались Рѣпинъ, Румянцевъ, Брюсъ...
Вдругъ Лопухинъ нашъ въ плѣнъ попался,
Но гренадеръ нашъ былъ не трусъ:

— «Спасемъ начальника мы, братья,
Своимъ товарищамъ кричить;
И на врага, ворча проклятья,
Съ прикладомъ поднятымъ бѣжить,

Впередъ, за мной! вѣдь въ насъ есть сила!
Спасемъ аншефа мы отъ нихъ!
Его жизнь пуля подкосила,
Но пусть умереть онъ средь своихъ!»

Услыша доблестныя рѣчи,
Спѣшать товарищи на зовъ;
Имъ ни почемъ штыки, картечи —
И всякъ на смерть изъ нихъ готовъ.

Лишь удалось бы генерала,
Изъ плѣна вражьяго спасти;
Разять врага, куда попало,
И успѣвають унести:

Полуживого ужъ героя,
На перекрещенныхъ штыкахъ,
Подъ градомъ пуль съ собой изъ боя,
И умеръ онъ на ихъ рукахъ.

Простора не было для дѣла:
Мѣшалъ намъ сзади лѣсъ густой,
Но наша рать не оробѣла,
Принесъ намъ славу этотъ бой.

Ряды рѣдѣли. Нашихъ мало,
Но тверды всѣ мы, какъ стѣна.
Уже начальниковъ не стало,
Въ сумахъ нѣтъ пороху зерна.

Героевъ многихъ мы лишились...
Фельдмаршалъ самъ врага рубилъ...
Но, все-жъ побѣды мы добились,
И сильный врагъ насъ не сломилъ!

Подъ графомъ лошадь вдругъ убили,
 Онъ просить свѣжаго коня;
 И сколь его мы не просили —
 Онъ не ушелъ изъ подъ огня.

Но вотъ, Румянцевъ на подмогу,
 Приводить свѣжіе полки: —
 Пруссакъ смѣшался, бѣетъ тревогу...
 Затѣмъ, бѣгутъ отъ насъ враги.

И, поле битвы опустѣло.
 Сошла ночная темнота.
 Выско въ небѣ заблестѣла,
 Для насъ побѣдная звѣзда.

Пруссакъ разбить. Костры пылали...
 И, у бивачнаго огня,
 Всѣ мы другъ друга поздравляли,
 Съ успѣхомъ нынѣшняго дня.

IX.

Опять впередъ идемъ мы смѣло,
 Союзникъ только плохъ у насъ...
 Съ врагами снова жаждемъ дѣла,
 Царицы святъ для насъ приказъ.

Герой Ферморъ повсюду съ нами,
 Пруссакъ смѣло онъ разить:
 Съ своими легкими войсками —
 Онъ взялъ ужъ Мемель и Тильзитъ!

Начало дѣлу положили,
 Подъ Эгерсдорфомъ, и впередъ

Идемъ. Вотъ Кюстринъ обложили;
Громить его насталь чередъ.

Бомбъ, ядеръ тучи мы послали,
Какъ дождь метали къ нимъ свинецъ.
Враги бѣды такой не ждали,
Пришелъ и Кюстрину конецъ.

Объятъ онъ заревомъ пожаровъ;
Надъ нимъ ревъ выстрѣловъ стоитъ,
Трясутся верки отъ ударовъ,
Народъ въ отчаяннѣ бѣжить:

Отцы и матери и дѣти,
Бѣгутъ съ растерзанной душой,
Погибло все для нихъ на свѣтѣ—
Придется всѣмъ идти съ сумой!

Такъ городъ Кюстринъ сокрушили,
Побѣда полная была;
И на стѣнахъ мы водрузили,
Россіи славнаго орла.

Х.

Знамена наши озарились
Побѣдой. Радость велика.
Вдругъ подъ Цорндорфомъ появились,
Пруссаконъ свѣжія войска.

Не позабыть урокъ кровавый,
И Эгерсдорфскій страшный бой;
Хотя онъ былъ для русскихъ славвой,
Но нѣмецъ вновь идетъ войной.

И снова стычки боевыя,
 Строй новичковъ былъ впереди;
 Казаковъ схватки огневая,
 Огонь у насъ горить въ груди.

Друзья! Война вѣдь не игрушки!
 Врагъ снова битвы захотѣлъ;
 Громятъ его вновь наши пушки,
 И снова—кровь и груды тѣлъ...

Печальный Фридрихъ полнъ боренья,
 На павшихъ воиновъ глядитъ.
 Ихъ жалокъ видъ въ пылу сраженья,
 Гдѣ русскій строй стѣной стоитъ.

Король, томимый пораженьемъ,
 Слѣшитъ отважно въ жаркій бой,
 Онъ былъ достоинъ удивленья—
 Не дорожа совсѣмъ собой.

Тронулъ коня, нахмура брови;
 Съ нимъ Зейдлицъ, храбрый генераль;
 И вотъ—при видѣ труповъ, крови—
 Король вдругъ Зейдлицу сказалъ:

— Веди въ атаку Зейдлицъ бравый,
 Своихъ гусаровъ и драгунъ;
 Сейчасъ рѣшится пиръ кровавый—
 Поможетъ вамъ свинецъ, чугунъ...

Но Зейдлицъ долго не рѣшался,
 Исполнить Фридриха приказъ;
 Все битвы ходъ понять старался,
 Онъ, не спуская взгляда съ насъ.

Затихли залпы. Нѣтъ патроновъ.
Звенить булатъ лишь о булатъ...
И массы вражьихъ батальоновъ—
Сломить напрасно насъ хотять!

Въ лицо намъ пыль летѣла прямо,
Мѣшаль движеньямъ дымъ густой;
А врагъ, навязчивый, упрямо—
Въ дыму ломилъ на насъ стѣной.

То Зейдлицъ двинулъ эскадроны,
Своихъ драгуновъ и гусаръ;
Сомкнулись наши батальоны,
И смѣло приняли ударъ.

Среди всѣхъ ужасовъ сраженья,
И среди тысячи смертей,
Мы не желали отступленья—
Ицель страшный бой богатырей:

Штыкомъ пѣхота отбивала,
Удары сабель, палашей;
А кавалерія топтала,
Солдатъ копытами коней.

Со всѣхъ сторонъ неслися стоны,
Вдругъ ретирады данъ сигналъ:
И отступили эскадроны,
Какъ отъ скалы девятый валъ!..

Ночуемъ мы на полѣ битвы,
А рядомъ врагъ. Онъ утомленъ.
И, въ тихій часъ святой молитвы,
Страшится всякъ за свой уронъ.

Сраженья участь не рѣшилась
 Еще пока, на этотъ разъ;
 И лишь на утро объявилась,
 Потеря страшная у насъ:

Да, двадцать тысячъ въ томъ сраженьи,
 Понесъ потери русскій строй.
 Ихъ духъ въ странѣ успокоенья,
 А кости тамъ, въ землѣ чужой.

Король-же утромъ, послѣ боя,
 Назадъ всю армію повелъ;
 Здѣсь, силу русскаго героя—
 Сломить ему Богъ не привелъ.

А нашъ Ферморъ, окончивъ дѣло,
 Каре построить приказалъ;
 И поле битвы гордо, смѣло—
 Въ виду у нѣмцевъ, покидалъ.

Такъ глупо хвастать, что побѣда
 Досталась нѣмцамъ въ томъ бою:
 Не положили наши дѣды
 Охулки на руку свою!

Приходить осень. Наступаютъ—
 Дожди, ненастья, холода.
 Запасы быстро убываютъ,
 Между солдатами нужда.

Тутъ объявили командиры,
 Необходимый всѣмъ походъ: —
 Идти на зимнія квартиры,
 И ждать, что дастъ намъ новый годъ.

XI.

Надъ русской арміей назначень
Уже начальникъ былъ другой:—
На видъ мизерненъ и невзраченъ,
Нашъ Салтыковъ старикъ, сѣдой.

Родъ Салтыковыхъ важень, знатень;
Но онъ баловъ не задавалъ;
Во всемъ былъ простъ и аккуратень,
И пышной свиты не держалъ.

Радѣлъ о русскомъ онъ солдатѣ,
Почти не думалъ о себѣ;
О немъ заботясь, какъ о братѣ,
Подготовлялъ его къ борьбѣ.

Въ простомъ ландмилицкомъ кафтанѣ,
Безъ свиты часто графъ гулялъ;
И, не заботясь объ охранѣ,
Двухъ человекъ съ собой лишь бралъ.

Дивились всѣ тому не мало,
И австріакъ и пруссаки,
Что «тихой курочкѣ» ввѣряла
Царица храбрые полки.

Такъ графа армія прозвала,
За скромный, тихій его нравъ;
Но въ скоромъ времени узнала,
Что онъ — и добръ и храбръ и правъ.

При немъ порядки измѣнились:
Пошли успешнѣе дѣла;

Солдаты стычками хвалились;
Царица рада такъ была,

Что мы при Пальцигѣ и Каѣ,
Стараясь бить изъ далека —
Маневромъ хитрымъ завлекая,
Разбили прусскіе войска.

Тотлебенъ, Демикъ неустанно,
За прусской арміей идутъ,
Ее тревожатъ безпрестанно,
Передохнуть ей не даютъ.

Ну, а Вильбоа нашъ отважный
Вдругъ смѣлый подвигъ совершилъ:
Занявъ ихъ Франкфуртъ, городъ важный —
Его ключи заполучилъ.

Намъ надоѣло ожиданье,
И вотъ, готовые на бой,
Пошли съ врагомъ мы на свиданье,
Австрійцевъ то-же взявъ съ собой.

Подъ Кунерсдорфомъ баттарей
Нашъ врагъ поспѣшно воздвигалъ;
Солдатъ нашъ, видя ихъ затѣи,
Ретраншементы самъ копалъ.

XII.

Въ войнѣ случайностей такъ много,
Что невозможно разсчитать
Всего впередъ — и точно, строго —¹
Моментъ побѣды угадать.

Напрасно Фридрихъ горячился,
И выбивался изъ всѣхъ силъ:
Подъ Кунерсдорфомъ онъ добился
Для войскъ—не лавровъ, а могилъ!

Ему опять пришла охота,
Вновь испытать свою судьбу!
И вотъ идетъ его пѣхота,
Спокойно въ жаркую борьбу.

Въ ордеръ-баталію ужъ стали
Войска пруссаковъ—короля.
Двѣ сотни пушекъ грохотали
По насъ, и дрогнула земля!..

Но вотъ, Шувалова гаубицы
Въ отвѣтъ пруссакамъ ужъ рычатъ,
И понеслись—словно птицы—
Ряды убійственныхъ гранатъ.

Бѣда грозила намъ большая:
Тѣснилъ врагъ нашихъ гренадеръ;
Голицынъ-князь, его встрѣчая,
Имъ подалъ храбрости примѣръ.

Браги—стремительно и смѣло—
На батарее къ намъ бѣгутъ;
Ихъ сила нашихъ одолѣла,
И артиллерию берутъ...

Король наивно ожидаетъ
Себѣ лавроваго вѣнца;
Въ Берлинъ за-раньше посылаетъ,
Съ побѣдной вѣстію гонца.

Мы всё, конечно, понимаемъ
 Какъ пушка въ битвѣ дорога,
 И батареи отнимаемъ,
 Назадъ у дерзкаго врага.

Но описать нельзя картины
 Той страшной битвы, роковой...
 Стояли мы—какъ исполины—
 Храня порядокъ боевой.

А бомбы, ядра и гранаты
 Съ шипѣніемъ на насъ летятъ...
 Со стономъ падаютъ солдаты,
 Но отступленья не хотятъ.

У насъ подбиты всё лафеты,
 Зарядовъ взорванъ былъ запасъ,
 Свистятъ осколки, какъ ракеты—
 И кровь, и смерть несутъ на насъ!..

Враги—предъ нами—вновь предстали,
 На насъ идутъ со всѣхъ сторонъ;
 Но груди русскихъ крѣпче „стали“,
 Нашъ духъ возсталъ, и грозенъ онъ!...

Азовцы наши, гренадеры,
 Врага разятъ, берутъ въ полонъ;
 Примѣръ даютъ имъ офицеры;
 Идетъ съ австрійцами Лаудонъ.

Московцы, Нарвцы напирали,
 И бодро, съ громкимъ шли «ура!»
 Назадъ ретраншементы взяли,
 Врага сломить пришла пора!

Полкъ Петербургскій, Новгородскій
 Жестокій натискъ понесли...
 А Бѣлозерскій, Нижегородскій—
 Имъ, очень кстати помогли.

Вдругъ кавалерія пруссака,
 Прорвать желая русскій строй—
 На насъ летить... Ея атака
 Была порывъ одинъ пустой!

Ей путь успѣшно преградили,
 Нашъ графъ Румянцевъ и Лаудонъ;
 Со срамомъ нѣмцы отступили,
 И понесли большой уронъ.

Князь Любомірскій, князь Волконскій,
 Съ Псковскимъ и Волгодскимъ полкомъ,
 Полкъ гренадеръ и полкъ Азовскій
 Съ врагомъ скрестились—вновь—штыкомъ.

Съ полкомъ Низовскимъ и Сибирскимъ
 Бергъ храбрый, Дерфельдъ—бригадиръ,
 Принявъ враговъ, съ поклономъ низкимъ—
 Кровавый задали имъ пиръ!

Австрійцы—тоже помогали,
 Громили, били пруссака,
 Во всей красѣ предъ нимъ предстали—
 И ихъ заслуга велика.

Ихъ небольшая батарея,
 Намъ много пользы принесла:
 Стрѣляла, ядеръ не жалѣя,
 Пока борьба съ врагами шла.

И горькимъ дымомъ разлетѣлась,
 Вдругъ прусской арміи мечта:
 Насъ побѣдить ей такъ хотѣлось,
 Но чуть сама въ плѣнь не взята.

Но Фридрихъ вдругъ предъ ней явился.
 Бой все пылалъ, не угасалъ...
 Героевъ многихъ онъ лишился,
 Какъ листъ отъ бѣшенства дрожалъ.

Полкъ за полкомъ онъ слалъ въ сраженіе,
 За ходомъ боя наблюдалъ...
 И, видя войска пораженіе,
 Казалось, смерти онъ желалъ.

Да, жаль ему терять побѣду,
 И видѣть арміи разгромъ—
 Въ посмѣшище врагу и свѣту!..
 Онъ ждетъ лишь боя переломъ.

Полки стоятъ. Ужъ все готово.
 Сейчасъ рѣшительный конецъ.
 И вотъ, король ведетъ ихъ снова,
 Отнять побѣдный нашъ вѣнецъ!

Онъ—полнъ энергіи и жара—
 Привѣтъ войскамъ своимъ дарить.
 Стремится съ ними для удара...
 Вдругъ палъ—чуть пулей не убить.

Мундиръ на немъ былъ весь прострѣленъ,
 Убито два коня подъ нимъ;
 А самъ былъ раненъ, но увѣренъ,
 Что онъ никѣмъ не побѣдимъ!

Отважный вождь, непобѣдимый,
 Полки водившій въ бой не разъ—
 Сражень, досель судьбой хранимый,
 И ротмистръ Притвицъ его спасъ.

Борьба кипить... И, въ жаркомъ боѣ,
 Ни въ плѣнъ насъ взять, ни побѣдить
 Не можетъ врагъ. Въ разбитомъ строѣ—
 Онъ принужденъ былъ отступить.

Тутъ Вильбоа и Бергъ нашъ бравый,
 Спѣшать съ частями свѣжихъ силъ;
 Себя покрыли новой славой,
 И показали пруссакъ намъ тылъ.

Да, съ русскимъ битва—не игрушки!
 Насъ нѣмцы помнятъ съ тѣхъ временъ:
 У нихъ сто семьдесятъ двѣ пушки,
 И двадцать семь взято знаменъ!

И вотъ, тогда мы преспокойно,
 Врага разбивъ съ его вождемъ,
 Заняли Кунерсдорфъ, достойно,
 И скоро на Берлинъ поидемъ.

Отсюда слышны поздравленья,
 Солдатъ—побѣдный, громкій кликъ!
 Не вынесъ Фридрихъ пораженья,
 И головой своей поникъ!

Звѣздой падучей закатился,
 Угасъ духъ мощный короля...
 Своихъ онъ воиновъ лишился,
 Ихъ кровью залиты поля...

И, въ деревенькѣ Этшеръ, бѣдной,
Разбитый Фридрихъ ночевалъ,
Страдая раной—грустный, блѣдный—
Онъ на соломѣ тамъ лежалъ.

Какъ дымъ разсѣялась вся свита,
Два адъютанта лишь при немъ...
А стража? стража перебита,
И гренадеръ одинъ—съ ружьемъ—

Стоялъ у скромнаго пріюта.
Такъ вождь великій низко палъ—
Такъ жалокъ былъ!.. Была минута,
Когда онъ смерть на помощь звалъ!

Тоска смертельная давила
Ему тяжелымъ камнемъ грудь...
— «Погибло все, что было мило,
И русскимъ чистъ къ Берлину путь!

Со мною—страшное несчастье!
И мнѣ его не пережить....
Ни въ комъ—ни дружбы, ни участя,
И новыхъ войскъ мнѣ не нажить!»

Шепталъ нашъ Фридрихъ и—невольно—
Закрывъ вдругъ шляпою глаза.
Такъ грустно сдѣлалось, такъ больно—
Съ рѣсницъ скатилась слеза!..

XIII.

Намъ время двигаться къ столицѣ,
Фельдмаршалъ русскій къ ней идетъ,
И вѣсть даетъ своей царицѣ,
Что дѣлъ побѣдныхъ лавры шлетъ.

— «Ты, наша матушка-царица,
И не горюй, и не тужи:
Летимъ впередъ мы — точно птица —
Свое «спасибо» намъ скажи!

Мы, вѣдь, не въ шутку, побѣдили
«Скоропостижнаго» вождя:
Подъ Кунерсдорфомъ въ пухъ разбили,
Теперь Берлинъ возьмемъ, шутя.

Къ нему мы смѣло подступаемъ;
Ферморъ, Тотлебенъ впереди!
Сказать по правдѣ — не зѣваемъ;
Ну, а австріецъ — позади!

Тягаться мочи нѣту съ нами!
Твое все войско — молодцы!
Сидитъ союзникъ за кустами,
А мы летимъ во всѣ концы.

И, бодрость духа намъ пристала,
Весь свѣтъ готовы мы пройти;
Но продовольствія намъ мало —
На трудномъ, вражескомъ пути.

Ну, а солдатъ твой, храбрый воинъ!
Не прихотливъ, какъ и всегда.
Героя имени достоинъ —
Одинъ сухарь его ѣда»!...

XIV.

Принявъ рядъ сильныхъ поражений,
Врагъ нашъ оправиться не могъ.
Мы-жь — не глядимъ на тму лишений
И, взять Берлинъ — намъ Богъ помогъ!

Но тутъ, случилось горе съ нами:
Фельдмаршалъ нашъ вдругъ заболѣлъ.
Печаль и грусть между войсками,
Онъ такъ объ арміи радѣлъ.

Намъ жаль сѣдого генерала,
Какимъ фельдмаршалъ былъ, старикъ.
При немъ лишь армія узнала —
Какъ духъ ея могучъ, великъ!

Враги — свой градъ первопрестольный,
Хотѣли было защищать;
А нашъ Тотлебенъ, вождь достойный —
Ихъ началъ пушками стращать.

Вмигъ — баттарей онъ понастроилъ,
Къ Берлину занялъ всѣ пути;
Гусарь, казаковъ всѣхъ построилъ —
На приступъ города идти.

Въ Берлинѣ войска было мало,
Лишь дезертировъ слабый строй;
На нихъ вдругъ паника напала,
И вяло шли въ неравный бой.

Пошли вновь натиски и стычки,
Гусаръ и смѣлыхъ казаковъ;
Но только ихнія привычки,
Не по-нутру для пруссаковъ.

Съ врагомъ недолго говорили,
Бросали бомбы въ городъ ихъ;
И замокъ Фридриха разбили,
Тутъ врагъ унялся и притихъ.

Идемъ на приступъ храбро, смѣло,
Въ Бердинъ попасть былъ всякій радъ —
Колонна наша не сробѣла,
Послѣдній тратя свой зарядъ!

Ихъ городъ прямо передъ нами,
Сердца у насъ огнемъ горять:
Штыки скрестились со штыками —
И ихъ Берлинъ былъ нами взятъ!

Принцъ Фридрихъ *) съ Гильзеномъ желали,
Спасти берлинцевъ отъ бѣды;
Но передъ нами спасовали,
Пропали даромъ ихъ труды.

Такъ, послѣ слабой обороны,
Берлинцы городъ намъ сдаютъ,
И полтора миллиона,
Съ нихъ взяли талеровъ за трудъ!

Насъ нѣмцы долго вспоминали,
И даже помнятъ до сихъ поръ:
Мы отъ французовъ ихъ спасали,
Когда у нихъ былъ съ ними споръ...

Имъ руку помощи простерли,
Услуга наша велика:
Безъ насъ, съ лица земли-бы стерли —
Ихъ Бонапартовы войска!

И, долго нѣмочки-сосѣдки,
Отъ слезъ не осушали глазъ.

*) Виртембергскій.

Грустя по русскимъ... А ихъ дѣтки!—
Похожи были такъ на насъ!...

Покончивъ схватки боевыя,
Опять вернулись мы домой...
И долго, пѣсни удалыя —
Неслись по родинѣ святой!...

XV.

Придетъ пора — и дружно въ ногу —
Мы снова двинемся въ походъ.
Камрадъ-же нашъ забьетъ тревогу,
Что русскій въ гости къ нимъ придетъ.

Онъ передастъ, при первой встрѣчѣ,
Подарокъ цѣнный — чѣмъ богатъ! —
Шрапнелей, ядеръ, пуль, картечи
И кучи цѣлыя гранатъ...

И заживетъ у васъ онъ снова,
И будетъ дѣйствовать, какъ встарь;
Его къ вамъ двигаютъ три слова:
Отчизна, Богъ, да русскій Царь!...

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 19-го Мая 1887 г.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

ИЗДАНІЯ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Оборона Севастополя — рассказъ очевидца. Одобрено
Военно-Ученымъ Комитетомъ для войскъ и народа.

Казакъ и Пластуны.

Дѣла наши съ турками.

Цена 20 коп.

R